

ПУМПИАНСКИЙ А. Л.

О ПРИНЦИПЕ ЯЗЫКОВОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ

Акад. П. Н. Федосеев отмечает актуальность философского обобщения данных естественных наук в эпоху научно-технической революции. В основу подобного обобщения должны быть положены законы и категории марксистской философии [1, с. 148—149].

В итоге многолетнего исследования языка естественных наук (химии, физики, биологии, математики, кибернетики), исходя из марксистского положения о диалектической связи языка и мышления и социальной обусловленности языка, мы пришли к выводу, что исключительно важной проблемой, связывающей общественные и естественные науки, является проблема многозначности языковых единиц. В решении этой проблемы заинтересованы как лингвисты, так и кибернетики, ибо «при отсутствии правильного методологического подхода к вопросам взаимоотношения наук бурные успехи в одной отрасли науки могут породить тенденции, не только не способствующие развитию других отраслей, но даже тормозящие их» [1, с. 139].

От решения проблемы языковой многозначности в значительной мере зависит ответ на важный социальный и мировоззренческий вопрос: какое место занимает человек в такой сложнейшей системе, как «природа, человек и техника»?

С позиций современного марксистского языкознания «язык и мышление образуют такое диалектически противоречивое единство, в котором язык, при определяющей роли мышления, представляет собой относительно самостоятельное явление, в свою очередь оказывающее определенное обратное воздействие на мышление» [2, с. 3]. Существует мышление в чувственно-наглядных образах, являющихся результатом непосредственного воздействия на мышление объектов действительности и не обязательно сопряженных со знаковой репрезентацией, и мышление абстрактное, обобщенное, осуществляемое в логических формах, в виде понятий, осуществляемых посредством знаков того или другого рода [3, с. 48—49]. Язык возникает и функционирует двояко: как средство осуществления абстрактного, обобщенного мышления и как средство общения [3, с. 104—105].

В языке различаются две стороны — материальная и идеальная. Первая сторона воспринимается чувственно и представлена системой звуков, различные сочетания которых материально оформляют языковые единицы. Некоторые языковеды склонны считать, что письменный текст, электрические импульсы, электромагнитные волны и перфокарты являются материальной стороной языка, поскольку они материальны и передают ту же семантическую информацию, что и звучащая речь. Фактически «...являясь вторичными субститутами естественного языка, все искусственные знаковые системы, включая письмо, кодируются в различные неязыковые материальные субстанции и декодируются из них только благодаря существованию их естественного субстрата, языковой знак которого — звучание — является их языковой материальной стороной» [4, с. 57].

Вторая, идеальная сторона языковых единиц представлена их значениями, которые существуют в сознании человека: «...идеальная сторона билатеральных языковых единиц, имея ту же онтологическую природу, что и содержание абстрактного, обобщенного мышления, формируется в связи с отражением объективной действительности, является образом (в гносеологическом смысле)» [3, с. 79].

Абстрактное, обобщенное языковое мышление дает возможность синтезировать, концентрировать в каждой звуковой материальной единице в обобщенном виде много разных значений. Подобная диалектическая

связь между двумя сторонами языка была впервые обоснована марксистской диалектикой. В. И. Ленин отмечал: «Всякое слово (речь) уже *обобщает*... Чувства показывают реальность; мысль и слово — общее» [5, с. 246].

Это высказывание В. И. Ленина подтверждается действием в языке и мышлении принципа языковой многозначности, согласно которому каждая фонетическая единица языка потенциально способна опосредованно воплотить много разных значений, одно из которых конкретизируется в процессе речевого общения при помощи лингвистических и экстралингвистических «лимитаторов». Материальную, фонетическую единицу языка, воплощающую не менее двух любых языковых значений, целесообразно обобщенно именовать «омофоном» (одно звучание разных значений) [6, 7].

Языковая многозначность — омофония — существует с незапамятных времен и прослеживается в качестве важнейшего качественного и количественного принципа языка и мышления на протяжении многих тысячелетий. О ней свидетельствуют данные таких древних языков, как шумерский, ассирийский, персидский, китайский, тангутский [8—10]. Анализ письменных знаков, передававших в этих языках фонетическое звучание языковых единиц (фонетических логограмм), свидетельствует, что почти все они были омофонами [8, с. 122]. В шумерском языке омофон [kur] означал «земля», «страна», «гора». в древнеегипетском языке омофон [x — п — р] означал глагол «быть» и существительное «жук-скарабей», омофон [м — н — х] имел значения «папирус», «юноша», «воск» [8, с. 196] и т. д. и т. п. Естественно, что языковая многозначность была хорошо известна древним грекам. В «Илиаде» Гомера (песнь XX, строфы 248—249) читаем:

[Гибок язык человека, речей для него изобильно
Всяких; поле для слов и туда и сюда беспредельно [11].

Аристотель постулирует: поскольку количество слов — ограничено, а число вещей (предметов) — не ограничено, неизбежно, что одно и то же слово наделено многими значениями [12, с. 536]. Этот диалектический постулат принадлежит к самым замечательным достижениям древних греков [9]. Постулат Аристотеля о неизбежности языковой многозначности (омофонии) был знаком арабским ученым X—XI веков н. э. Они тоже утверждали, что в языке количество значений не соответствует количеству слов, ибо значения (смыслы) не ограничены, а слова ограничены, поскольку они строятся из ограниченного по своей природе количества звуков [10, с. 65].

Причиной языковой многозначности является многосторонность облектов действительности, о чем говорил В. И. Ленин, разъясняя принципиальное отличие марксистской диалектической логики от формальной логики [13]. С тех пор лингвисты показали на конкретном материале разных языков, что богатство языка находится в прямой зависимости от степени развития в нем многозначности языковых единиц (омофонии). Р. А. Будагов пишет: «Многозначность слова естественных языков народов мира — это одна из важнейших особенностей их лексики, одна из важнейших особенностей человеческого языка вообще. Именно поэтому следует говорить о законе многозначности слова, о законе лексической полисемии» [14, с. 123].

Знаменательно, что абсолютное большинство людей практически не ощущает в своем языке многозначности (омофонии). Это свидетельствует об абстрактности, обобщенности человеческого мышления, о способности человека конкретизировать из омофонов то единственное значение, которое ему необходимо для речевой коммуникации. Мы, в частности, отмечали, что англичане воспринимают исключительно многозначный глагол *to involve* как явление, характерное для английской научной и технической литературы во всей его многогранности и простоте [15, 1965, с. 27].

С изобретением человеком письма действие принципа языковой многозначности (омофонии) было распространено также на графические субституты фонетических систем [4, с. 57]. Каждая графическая единица оказалась потенциально способной опосредованно символизировать много раз-

ных звуков, один из которых конкретизируется в процессе речевого общения при помощи лингвистических и экстралингвистических лимитаторов.

Графическую единицу языка, символизирующую не менее двух любых фонем, целесообразно обобщенно именовать «омографом» (одно графическое обозначение разных звучаний). Графическая многозначность (омография) исторически присуща всем языкам и количественно возрастает при изменении фонетических систем (произношения), сопровождаясь «переосмыслением» старого правописания [4, с. 51—53]. Так, например, резкое изменение английского вокализма в XV—XVI вв. привело к тому, что 5 гласных букв английского алфавита, символизируют сейчас 22 гласных звука.

Благодаря абстрактному, обобщенному мышлению омография в родном языке практически не ощущается, и, в частности, англичане при помощи графико-фонетических лимитаторов выявляют необходимое для процесса общения, конкретное звучание многозначного омографа [16].

И тем не менее, языковая многозначность воспринимается многими как неестественное, не соответствующее законам развития природы, сугубо отрицательное явление. Свыше тысячи лет многие ученые стремятся подчинить язык и мышление формально-логическому закону симметрии, господствующему, по их мнению, в природе во всех ее проявлениях. Возведя этот принцип в абсолют, не допускающий исключений, они настойчиво ратуют за изъятие из языка и речи омофонии и омографии как нарушающих общую симметрию, природную гармонию мира. Они стремятся искусственно внедрить формальное, взаимно однозначное, симметричное соответствие в языке между звучанием и значением, между написанием и звучанием.

Еще в XII в. было предложено ввести в исландский язык однозначные графические правила по принципу звук — буква. Был пересмотрен исландский алфавит, созданный на основе латинского, и предложено, в частности, ввести вместо 5 гласных букв 18 в соответствии со звуками, представленными в исландском языке. В середине XV в. делались попытки реформировать французское правописание. С тех пор зафиксировано большое количество аналогичных предложений. Бернард Шоу завещал большую сумму денег для ликвидации многозначности английской орфографии. В Китае много лет говорили и писали о неминуемой реформе китайской орфографии, а потом оказалось, что в ликбезах крестьяне осваивали китайскую грамоту за несколько месяцев. Около двадцати лет назад в нашей стране много шума вызвала инициатива по «упорядочению» русского правописания. Начались споры, как следует писать — *заец* или *зайц*. Все указанные попытки свести к однозначности орфографические нормы старописьменных языков оказались бесплодными.

В XVII—XVIII вв. предлагались различные проекты однозначных искусственных языков. Считалось, что искусственный язык должен иметь лишь один способ спряжения, склонения и построения слова [17]. В XIX в. создаются однозначные международные языки (интерлингва). Один из них поддерживал Лев Толстой («волапук»), другой — Бодуэн де Куртене («эсперанто»). Все эти языки оказались малоэффективными.

Начиная с 40-х гг. XX в. представители естественных наук требуют покончить с многозначностью всех научных и технических терминов и создать однозначную терминологию на логической, «научной» основе [18]. Сама жизнь доказала неправоту подобных теорий [19].

Последний и самый мощный «удар» по многозначности был нанесен языку кибернетиками, которые начиная с 50-х гг. XX в. обещают создать «искусственный интеллект» и осуществить полноценный автоматический перевод научных и технических текстов. Для достижения этих целей кибернетики рассматривают язык так, как будто все слова в нем однозначны. Поскольку многозначные языковые единицы не поддаются чисто количественной формализации, кибернетики просто «упрощают» и «огрубляют» язык [20]. Даже располагая мощной техникой, за 30 лет интенсивных усилий кибернетики не смогли преодолеть языковую многозначность. Полноценный автоматический машинный перевод оказался утопией, а утвержде

ния о его достоинствах и перспективах — плодом безответственной рекламы. До сих пор остаются в полной силе известные высказывания таких ученых, как А. Эттингер, И. Бар-Хиллел. Еще в 1963 г. А. Эттингер отметил, что рекламные заявления прессы и безответственных ученых лишены основания, а И. Бар-Хиллел указал на полную бесперспективность полноценного машинного перевода, о возможностях которого идет такое количество необузданной болтовни, что невольно приходишь в ужас, а во многих случаях в полное замешательство [21, с. 7]. То же относится и к реальности создания кибернетического «искусственного интеллекта» [4, с. 46—48; 22]. И все же существует мнение, что возможно и необходимо строить «интеллектуальные системы», которые смогут давать решения, «качество которых будет не хуже, а иногда и лучше по сравнению со средним естественным интеллектом» [23, с. 35]. Изложив сомнения специалистов в реальности работ по инженерной лингвистике в этом направлении и их предложение повременить, Р. Г. Пиотровский утверждает, что «...такое предложение решительно отвергается современной наукой. Социальный заказ на построение систем ИИ, включая системы МП, с восточных языков, а также сложные ИПС с лингвистическим обеспечением, настолько важен, что его выполнение нельзя отодвигать на неопределенный срок» [23, с. 35].

В передаче по ЦТ (12 марта 1981 г., 18.00—18.30) акад. В. М. Глушков заявил, что кибернетиками выполняется социальный заказ нашего общества — обеспечить к концу этого столетия создание промышленных роботов с искусственным интеллектом среднего человека. Это, по утверждению В. М. Глушкова, необходимо обществу, так как в ближайшем будущем все граждане будут иметь высшее образование и не захотят быть рабочими. Но уже 31 июля 1981 г. главный редактор журнала «Коммунист» Р. Косолапов в статье «Атакующий класс», опубликованной газетой «Правда», разъяснил: «Наивно и аполитично выглядят позаимствованные из писаний западных футурологов псевдосоциологические схемы, согласно которым социальная структура будущего общества изображается абсолютно лишенной трудящейся массы, в виде комбинации заменивших ее „умных“ роботов и их господ — „яйцеголовых“ интеллектуалов. В подобных схемах... марксистско-ленинский классовый подход подменяется технократическим, а вместо универсально развитой массовой социалистической демократии преподносится главенство немногих академически зрелых специалистов, некоей научно-технической „элиты“».

П. Н. Федосеев неоднократно отмечал необоснованность претензий кибернетиков решать вопросы за другие науки [1, с. 143; 24]. Утверждения о том, что менее чем за два десятилетия будет разработано действующее лингвистическое обеспечение мифического «среднего естественного интеллекта» — очередная бесплодная попытка преодолеть многозначность языковых форм [15, 1981, с. 333].

Безуспешность описанных попыток преодолеть языковую многозначность и особенно несостоятельность тридцатилетней атаки на многозначность со стороны кибернетиков наглядно доказала их лингвистическую бесперспективность.

Сейчас уже нет никакого сомнения, что именно многозначность языковых форм позволяет человеку применять в процессе общения ограниченное количество языковых средств для выражения неограниченного количества значений (смыслов), сообщать и понимать не только известные, но и зарождающиеся, еще неизвестные мысли. Многозначность лежит в основе непрерывного совершенствования языка и не только не мешает, а, наоборот, помогает общению людей, является неременным условием развития и совершенствования языка и мышления. Абстрактное, обобщающее человеческое мышление, способное в единичном воспринимать общее, а в общем единичное, обладает уникальной способностью выбирать из многозначности тот однозначный вариант языковой единицы, который необходим в каждом конкретном случае процесса коммуникации. Способный к однозначному восприятию многозначных языковых единиц уникальный мозг человека можно уподобить архигигантской ЭВМ, несоизмеримой по своему качеству и количественным масштабам со всеми ЭВМ всех грядущих

щих «поколений». Ни одна ЭВМ, построенная на формализованном количественном принципе двоичных сигналов (кодов) («или» — «или», 1—0) «искусственного интеллекта», никогда не сможет обеспечить расшифровку сложнейшей многозначности естественных языков [4, с. 46—48].

Отсюда следует, что древние греки, воспринимавшие гибкость, беспридельность и неизбежность многозначности слова диалектически в единстве с однозначностью, оказались значительно прозорливее многих своих потомков [11, 12].

Наступило время вернуться к позитивному восприятию языковой многозначности и квалифицировать ее как величайшее достижение эволюции человечества. Поскольку марксистское языкознание исследует всеобщие законы развития языка в диалектическом единстве с мышлением, исходя из социальной обусловленности языка, а марксистская философия изучает всеобщие законы развития природы, общества и мышления, языковую многозначность целесообразно рассматривать в лингвофилософском плане, с учетом отражения законов и категорий марксистской диалектики. Подобное рассмотрение позволяет исследовать взаимосвязь между материальной стороной языка (звуковой оболочкой) и идеальной стороной языка (значениями), а также между фонетической и графической системами языка. Появляется возможность обосновать универсальный принцип языковой многозначности (омофонии и омографии).

Подобное лингвофилософское восприятие многозначности обуславливает новый методологический подход к ее изучению. Мы разграничиваем такие аспекты многозначности, как диахронный и синхронный, монологистический и билингвистический [4, с. 3]. В отношении научной и технической литературы основополагающее значение имеет принципиальное разграничение в синхронном плане монологистической (внутриязыковой) и билингвистической (межъязыковой) многозначности. В пределах одного языка синхронная многозначность практически не ощущается. Совсем иначе обстоит дело с билингвистической многозначностью. Для полноценного понимания научной и технической мысли на иностранном языке и эквивалентного перевода научной и технической литературы необходимо учитывать многозначность в пределах двух языков на всех языковых уровнях. Детальное исследование билингвистической многозначности научной и технической литературы, выявление и описание билингвистических эквивалентов в соответствующих языках внесет значимый вклад в современное языкознание и позволит преодолеть кризис в машинном переводе научной и технической литературы [15, 1981, с. 334].

Лингвофилософское понимание языка характерно для ученых, изучающих язык в плане соотношения языка и мышления. Первая лингвофилософская школа зародилась в конце XVII в. в аббатстве Пор Рояль. Ее создатели А. Арно, П. Николь, Д. Лансело, опираясь на учение Аристотеля о трехчленности суждения (логический субъект, связка, логический предикат), взгляды Декарта и рукописи Паскаля, рассмотрели соотношение языка [в книге «Искусство говорить» (Грамматика)] и мышления [в книге «Искусство мыслить» (Логика)] [25, см. «Приложение»].

В 1848 г. продолжатель этой школы А. Вейль (Франция) положил начало лингвофилософской концепции актуального членения предложения [21, с. 32—39; 15, с. 324]. В 1963 г. советский лингвист и философ В. З. Панфилов предложил теорию логико-грамматического членения предложения [26]. В свое время Институт языкознания АН СССР именовался Институтом языка и мышления. События, произошедшие в языкознании в начале 50-х гг., временно отодвинули изучение взаимоотношения языка и мышления на второй план. Однако в 1957 г. была опубликована монография «Мышление и язык», а в 60-х гг. состоялась оживленная дискуссия по этой проблеме, материалы которой были изданы в 1967 г. в коллективной монографии «Язык и мышление» [27]. В 1971 г. В. З. Панфилов публикует книгу «Взаимоотношение языка и мышления» [2], а в 1977 г. «Философские проблемы языкознания» [3]. Значительный вклад в исследование соотношения языка и мышления внесли также О. С. Ахманова, Р. А. Будагов, Ю. Д. Дешериев, Д. П. Горский, С. Д. Кацнельсон,

Г. В. Колшанский, А. Г. Спиркин, Г. В. Степанов, А. В. Федоров, П. Н. Федосеев, Ф. П. Филин, П. В. Чесноков. Работы советских языковедов, философов и логиков показали, что современное марксистское языкознание является разделом филологии, это «наука о естественных человеческих языках в их реальном, исторически обусловленном существовании и развитии, в их неразрывной связи с мышлением, это наука о важнейшем средстве человеческого общения и передаче от поколения к поколению культурно-исторических традиций данного общества» [28].

В основу марксистского языкознания легли лингвофилософские взгляды о языке и мышлении, высказанные К. Марксом и Ф. Энгельсом. Они, в частности, писали: «... язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [29, с. 29] и «...ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства..., они — только *проявления* действительной жизни» [29, с. 449].

Диалектическому, лингвофилософскому пониманию языка к мышления противостоит чисто лингвистическая трактовка языка современными «структуралистами» разных направлений, опирающимися в большей или меньшей степени на теорию Ф. де Соссюра о языке как знаковой системе, изложенную в его посмертно опубликованном (1916) «Курсе общей лингвистики» [30].

Понятие «языковая система» в лингвистике существовало давно. Ф. Энгельс, не употребляя слово «система» применительно к языку, прекрасно сознавал, что в каждую эпоху язык выступает как целостное явление. Системное понимание языка было также у Бодуэна де Куртене. Первым лингвистом, специально отметившим, что язык представляет собой систему, был Ф. де Соссюр. По мнению многих лингвистов, теория Ф. де Соссюра ознаменовала поворотный пункт в лингвистике XX в.

Однако провозгласив, что язык является системой, Ф. де Соссюр избрал не более сложный — диалектический, а более простой — формально-логический метод ее описания. Воспитанный на знаменитом формально-логическом принципе *tertium non datur*, Ф. де Соссюр рассматривал все дихотомии в системе языка с позиций формальной логики («или» — «или») и выбирал один вариант, представлявшийся ему более четким и логичным. В результате этого произвольного выбора Соссюр наложил на описанную им систему языка целый ряд жестких ограничений. В строгом соответствии с формальной логикой система языка оказалась закрытой (замкнутой), статичной, симметричной, синхронной.

Не знающая диалектических противоречий, чисто лингвистическая, замкнутая система, предложенная Соссюром, показалась многим лингвистам чрезвычайно перспективной для структурных исследований языка, что предопределило быстрые «успехи» структурной лингвистики и ее применение к искусственным языкам. Представилась возможность легко описывать эту однозначную систему (структуру), препарировать ограниченные, по определению, языковые факты и быстро получать якобы бесспорные и перспективные результаты без необходимости проверки и подтверждения их реального соответствия языку и мышлению. Соссюровские ограничения системы языка как бы приравняли науку о языке к естественным наукам — математике, физике, кибернетике. Это послужило основанием к привлечению для анализа языковой системы количественных математических, «математизированных», структуралистических и статистических методов. Началась структурная «диссекция» текстов, лишенных семантической осмысленности [31—34]. За образец «научности» начали выдаваться работы, смоделированные по образцу естественных наук. Лингвистические исследования запестрели законами физики, теоремами и формулами математики, принципами дополнительности, относительности, вероятности.

Как всегда бывает при чрезмерном упрощении подхода к языку и мышлению (ср. психологическое направление Г. Габеленца и Г. Штейнталя [21, с. 27—32]), через некоторое время выявились существенные недостатки

соссюрковского понимания системы языка. Конкретные языковые факты показали, что в языке не все закономерное системно и не все системное закономерно [35, с. 8; ср. также с. 22—23]. Многие ученые перестали исследовать язык как целостную систему и перешли на изучение языковых подсистем [36]. Появилось новое понятие: «антисистема» языка.

Лежащие в антисистеме естественных языков противоречия и являются, пишет Ф. П. Филин, «главным препятствием в решении таких задач, как свободный машинный перевод..., создание так называемого „искусственного интеллекта“... и многие другие задачи кибернетики» [37].

На материале научной и технической литературы разных языков выявлено и подробно описано много «антисистемных» языковых фактов на фонетическом, лексическом, грамматическом уровнях, в том числе и в первую очередь факты монолингвистической, билингвистической, синхронной и диахронной многозначности на всех уровнях [ср. 4, 15, 19, 21, 25]: факт распада правила «согласования времен» в английском языке [15], факт нелинейного логико-грамматического распределения информации в предложении и наличия «третьего» порядка слов в аналитических языках [15, 21, 25].

Следует отметить, что антисистемные языковые факты наблюдаются исключительно в пределах соссюрвской системы языка и вступают в резкое противоречие не с живой, объективной реальностью естественных языков, а с игнорирующими языковую многозначность построениями кибернетиков.

Рассмотренный нами материал показал историческое противоборство двух подходов к языковой многозначности — диалектического и формально-логического. Как указывал В. И. Ленин, «... практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» [5, с. 198].

Аристотель выявил в логике диалектическое начало — многозначность языковых единиц — и обосновал три закона формальной логики: тождества, непротиворечия и исключенного третьего. Накопление эмпирических фактов непрерывно требовало их логического осмысления, что привело к закреплению в сознании людей законов формальной логики. При этом особое внимание всегда обращалось и обращается на соблюдение закона тождества, согласно которому один и тот же предмет не мыслится как два различных предмета [2, с. 88]. Эта однозначность определяется в логике как важнейшее условие ясности, определенности мышления. Основы формальной логики уже давно закладывались в сознании людей. Постепенно они приобрели аксиоматический характер. Ф. де Соссюр не упоминает о законах формальной логики, но несомненно, что он исходил из них при решении этого вопроса.

Однако закон тождества не имеет абсолютного характера и может нарушаться в естественных языках из-за присущей им многозначности [2, с. 89], в том числе, по нашим данным, и графической многозначности [4, с. 52].

Абсолютизацией сферы действия закона тождества, прочностью этого предрассудка и объясняется лингвистическая несостоятельность попыток «подогнать» языковые закономерности под законы формальной логики.

Марксистская философия отнюдь не отрицает ценности формальной логики, но подчеркивает ее философскую ограниченность. Если законы формальной логики фиксируют моменты покоя (статика), прерывности (синхрония), то законы диалектической логики фиксируют движение, изменение (динамика), непрерывность (диахрония) в единстве с моментом покоя, прерывностью [38]. Отмечая ограниченность законов формальной логики — тождества, непротиворечия и исключенного третьего, — Ф. Энгельс показал, что наряду с безусловным, пригодным повсюду принципом «или» — «или» формальной логики, диалектическая логика оперирует также и принципом «как то, так и другое» и опосредствует противоположности [39, с. 526 — 528]. В. И. Ленин в этой связи писал: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи

и „опосредствования“. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостерегает нас от ошибок и от омертвления» [13].

Итак, для того, чтобы действительно познать язык, охватить, изучить все его стороны, все связи, все «опосредствования», во избежание ошибок при изучении языковой системы надо использовать не только принцип формальной логики «или» — «или», *tertium non datur*, но и принцип диалектической логики: «как то, так и другое». Тогда, учитывая двухтысячелетний опыт развития языкознания, можно прийти к пониманию системы языка как открытой (незамкнутой), одновременно однозначной и многозначной, синхронной и диахронной, симметричной и асимметричной, статичной и динамичной.

В таком случае все явления, связанные с «антисистемой», органически впишутся в диалектическое понимание языка как системы в рамках современного марксистского языкознания и найдут свое объективное отражение во всех проявлениях языковой жизни общества, его истории и культуры, его мышления на всех стадиях развития человечества, в его научном и техническом прогрессе, будут способствовать разработке полноценного машинного перевода и определяют пределы осуществления «искусственного интеллекта».

Сейчас же надо признать неоспоримый факт существования у нас двух разных наук о языке, обусловленных различным пониманием его системы. Разумно согласиться с предложением А. С. Чикобава: «На наш взгляд, следует различать науку о реальных (естественных) языках и науку о формализованных языках, прикладное значение которой неуклонно возрастает. Эта наука отлична не только по предмету изучения, но и по методам, которые ею используются: инженерная (кибернетическая) лингвистика — самостоятельная негуманитарная наука» [40]. «Без правильного понимания роли и места отдельных наук в общей системе современных знаний, — подчеркивает П. Н. Федосеев, — без точного уяснения принципов, на основе которых разные науки объединяются друг с другом и соотносятся с другими отраслями знания, нельзя избежать многих серьезных трудностей, столкновений и тяжелых отрицательных последствий» [1, с. 138]. По предложению О. С. Ахмановой, науку об искусственных языках следует именовать интерлингвистикой [28]. Основной задачей этой науки является семиотическое изучение вопросов, связанных с созданием и функционированием однозначных вспомогательных языков — эсперанто, волапок, интерлингва, математических языков-посредников, информационно-логических языков и вспомогательных кодов для машинного перевода и «искусственного интеллекта», обеспечиваемых «инженерной лингвистикой».

Принципиальное различие между языкознанием и интерлингвистикой заключается в том, что языкознание изучает открытую, многозначную систему естественных языков, а интерлингвистика — закрытую, однозначную систему искусственных языков. Языкознание опирается в своих исследованиях на диалектическую логику, интерлингвистика — на формальную логику: «... математические, логические, кибернетические обобщения не могут решать такие проблемы, как проблема субъекта и объекта, человека и природы, природы и общества, теории и практики и целый ряд общеметодологических проблем, которыми занимаются именно философия, диалектический и исторический материализм» [1, с. 148].

Благодаря своему уникальному и универсальному качеству — открытости и многозначности — язык человека способствует формированию однозначных, закрытых (замкнутых) систем естественных наук, гарантирующих их «точность» в пределах обобщений, допускаемых каждой конкретной наукой, и синтеза эмпирических фактов в исследуемой области знаний. Без наличия у человека открытой и многозначной системы языка не могли бы возникнуть и развиваться ни математика, ни физика, ни кибернетика. Кроме того, формально-логический аппарат естественных наук не только является плодом языковой системы, но способен развиваться и творить великую научно-техническую революцию только потому, что его создатели непрерывно развивают этот аппарат на основе все той же откры-

той, многозначной лингвофилософской системы, обусловленной взаимодействием языка и мышления в процессе социальной (исторической, культурной) эволюции человечества. Ибо, как отмечал К. Э. Циолковский, точному расчету предшествует фантазия.

«Большой круг вопросов возникает на стыке кибернетических исследований. Речь идет прежде всего о философском осмыслении новых принципов и понятий, внесенных в науку кибернетикой», — пишет П. Н. Федосеев [1, с. 156]. Мы надеемся, что этому осмыслению будут способствовать как изложенные нами соображения, так и рассмотрение принципа языковой многозначности с учетом асимметрии материальной и идеальной сторон языка, механизма переосмысления значений при передаче новых мыслей и снятия многозначности в конкретных актах речевого общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федосеев П. Н. Коммунизм и философия. 2-е изд. М., 1971.
2. Панфилов В. Э. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
3. Панфилов В. Э. Философские проблемы языкознания. М., 1977.
4. Пумпянский А. Л. К вопросу о материальной стороне языка. — ВЯ, 1980, № 3.
5. Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29.
6. Richter E. Über „Homonymie“. Beiträge zur Griechischen und Lateinischen Sprachforschung. Wien — Leipzig — New York, 1926.
7. Karcevskij S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique. — TCLP, 1929, № 1.
8. Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961.
9. История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
10. История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.
11. Гомер. Илиада. М., 1978.
12. Аристотель Соч. Т. 2. М., 1976.
13. Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 289—290.
14. Будагов Р. А. Человек и его язык. М., 1974.
15. Пумпянский А. Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. М., 1965 (2-е доп. изд., М., 1981).
16. Пумпянский А. Л. Английский литературный язык (связь произношения и правописания). М., 1963.
17. Дрезен Э. В фонках всеобщего языка. М. — Л., 1925, с. 26.
18. Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
19. Пумпянский А. Л. Лексические закономерности научной и технической литературы. Англо-русские эквиваленты. Калинин, 1980.
20. Ветров А. А. Методологические проблемы современной лингвистики. М., 1973, с. 39.
21. Пумпянский А. Л. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М., 1974.
22. Брушлинский А. В. Почему невозможен искусственный интеллект. — ВФ, 1979, № 2, с. 60.
23. Пиотровский Р. Г. Лингвистические аспекты «искусственного разума». — ВЯ, 1981, № 3.
24. Федосеев П. Н. Философия и современное научное знание. — ВФ, 1961, № 7, с. 19.
25. Пумпянский А. Л. Грамматические закономерности научной и технической литературы. Англо-русские эквиваленты. Калинин, 1982.
26. Панфилов В. Э. Грамматика и логика (грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения). М. — Л., 1963.
27. Язык и мышление. М., 1967.
28. Азманова О. С., Александрова О. В. Некоторые теоретические проблемы советского языкознания. — ВЯ, 1980, № 6, с. 24.
29. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Соч. 2-е изд., т. 3.
30. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
31. Филин Ф. П. К проблеме социальной обусловленности языка. — ВЯ, 1966, № 4.
32. Адмони В. Г. Языкознание на переломе? — ИЯШ, 1968, № 3.
33. Азманова О. С. Естественный человеческий язык как объект научного исследования? — ИЯШ, 1979, № 2.
34. Филин Ф. П. О специальных теориях в языкознании. — ВЯ, 1978, № 2.
35. Маковский М. М. Системность и асистемность в языке. М., 1980.
36. Успенский Б. А. Отношение подсистем в языке и связанные с ними универсалии. — ВЯ, 1968, № 6.
37. Филин Ф. П. Противоречия в развитии языка. — ВЯ, 1980, № 2, с. 19.
38. Шугайкин А. В. К вопросу о соотношении традиционной, математической и диалектической логики. — В кн.: Актуальные проблемы диалектической логики. М., 1981, с. 48.
39. Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20.
40. Чикобава Арн. Историзм и лингвистика. — ВЯ, 1980, № 6, с. 3.